

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.21>

Липнягова Светлана Геннадьевна, Щукина Марина Сергеевна

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РЕНЕССАНСНОЙ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕКА В ПЬЕСАХ "РОЗЕНКРАНЦ И ГИЛЬДЕНСТЕРН МЕРТВЫ" Т. СТОППАРДА, "УБИЙСТВО ГОНЗАГО" Н. ЙОРДАНОВА, "ОФЕЛИЯ" Т. АХТМАН, "ГАМЛЕТ В ОСТРОМ СОУСЕ" А. НИКОЛАИ, "ФОРТИНБРАС СПИЛСЯ" Я. ГЛОВАЦКОГО

В статье рассматриваются варианты художественного воплощения ренессансной концепции человека в пьесах "Розенкранц и Гильденстерн мертвы" Т. Стоппарда, "Гамлет в остром соусе" А. Николаи, "Фортинбрас спился" Я. Гловацкого, "Убийство Гонзаго" Н. Йорданова, "Офелия" Т. Ахтман. Проведен сравнительно-сопоставительный анализ вышеперечисленных пьес, ставших ярчайшим примером художественного переосмысления ренессансной модели гуманизма и соответствующей ей концепции человека в европейской драматургии последней трети XX века. Реинтерпретация, дегуманизация, децентрация образа Гамлета позволяют авторам сделать вывод о разложении и ниспровержении ренессансной гуманистической концепции человека в пьесах современных европейских драматургов. В работе обобщен новый материал по исследуемой теме, уточнено понятие ренессансного гуманизма, сделано предположение о существовании "гамлетовского текста" европейской литературы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/12/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 12. С. 100-103. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-21

Дата поступления рукописи: 11.10.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.21>

В статье рассматриваются варианты художественного воплощения ренессансной концепции человека в пьесах «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» Т. Стоппарда, «Гамлет в остром соусе» А. Николаи, «Фортинбрас спился» Я. Гловацкого, «Убийство Гонзаго» Н. Йорданова, «Офелия» Т. Ахтман. Проведен сравнительно-сопоставительный анализ вышеперечисленных пьес, ставших ярчайшим примером художественного переосмысления ренессансной модели гуманизма и соответствующей ей концепции человека в европейской драматургии последней трети XX века. Реинтерпретация, дегуманизация, децентрация образа Гамлета позволяют авторам сделать вывод о разложении и ниспровержении ренессансной гуманистической концепции человека в пьесах современных европейских драматургов. В работе обобщен новый материал по исследуемой теме, уточнено понятие ренессансного гуманизма, сделано предположение о существовании «гамлетовского текста» европейской литературы.

Ключевые слова и фразы: ренессансный гуманизм; «гамлетовский текст»; дегуманизация; повествовательная доминанта; симулякр; современная драматургия; Т. Стоппард; Т. Ахтман; А. Николаи; Я. Гловацкий; Н. Йорданов.

Липнягова Светлана Геннадьевна, к. филол. н., доцент

Щукина Марина Сергеевна

Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева
lipnjagova@list.ru; marishkaschukina@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РЕНЕССАНСНОЙ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕКА В ПЬЕСАХ «РОЗЕНКРАНЦ И ГИЛЬДЕНСТЕРН МЕРТВЫ» Т. СТОППАРДА, «УБИЙСТВО ГОНЗАГО» Н. ЙОРДАНОВА, «ОФЕЛИЯ» Т. АХТМАН, «ГАМЛЕТ В ОСТРОМ СОУСЕ» А. НИКОЛАИ, «ФОРТИНБРАС СПИЛСЯ» Я. ГЛОВАЦКОГО

Есть произведения, с момента своего появления оказывающиеся значимыми и востребованными не только в культуре нации, породившей их, но органично вписывающиеся в культурное самосознание национальной палитры мира. Так, творческое наследие У. Шекспира стало источником сначала европейских культурных констант, а затем и констант мировой культуры [8]. Одним из самых энергоемких, смыслопорождающих произведений английского драматурга стала трагедия «Гамлет, принц Датский», на протяжении веков аккумулирующая вокруг себя всеобщее внимание.

Искусство XX века не стало исключением, напротив, пристальное внимание к трагедии У. Шекспира связано с ее особой ролью в европейской культуре XX века. Обращение к шекспировской трагедии, созданной на рубеже XVI–XVII вв., во время кризиса гуманизма ренессансного типа¹ [13, с. 100], во многом обусловлено ощущением конца времен, характерным для рубежа XIX и XX веков [11, с. 140]. Декадентские настроения рубежа веков, порожденные атмосферой назревающего общекультурного кризиса, свидетельствовали о начале мировоззренческого перелома, связанного с необходимостью пересмотра того образа Человека, который лежал в основе ренессансной модели гуманизма, на протяжении веков являвшейся концептуальной основой европейской культуры [9].

Век XX, вошедший в мировую историю как век катастроф, масштабы которых заставили иначе взглянуть на Человека, ознаменовал крушение веры в способность разумного, просвещенного, приобщенного к цивилизации человечества сохранять покой и порядок в мире [4], а соответственно, породил сомнения в актуальности, жизнеспособности предложенной ренессансным гуманизмом концепции человека – основания для веками соблюдаемых обычаев и порядков, источника традиционных ценностей и этических норм, меры всех вещей [5]. Из этого следует особое положение шекспировской трагедии и её центрального образа-персонажа, не мыслимого вне гуманистической парадигмы, в европейской литературе XX столетия.

Европейская литература прошлого века отчасти унаследовала «гамлетоцентричность»² как общекультурную устремленность к фигуре шекспировского Гамлета, традиционно воспринимаемого в качестве ярчайшего художественного воплощения проблематичности ренессансной модели гуманизма. Поэтому многие знаковые произведения XX столетия, как «Улисс» Дж. Джойса, «Черный принц» А. Мердок, «Гамлет-машина» Х. Мюллера, обращены на интертекстуальном уровне к трагедии о принце Датском. Однако гамлетовская тема не оставалась традиционно шекспировской, она трансформировалась, подвергалась деконструкции, ироническому переосмыслению, что свидетельствовало о процессе идейно-художественного отторжения ренессансной гуманистической концепции человека. Так, например, в немецкой литературе XX столетия образ Гамлета стал олицетворением антигуманистических тенденций своего века («Вихрь призвания» Г. Гаупмана, «О пьесе Шекспира “Гамлет”» Б. Брехта, «Черный лебедь» М. Вальзера) [7].

¹ Опираясь на идеи проф. К. А. Сергеева, изложенные им в монографии «Ренессансные основания антропоцентризма», мы понимаем под ренессансным гуманизмом ту форму гуманизма, в основе которой лежало восприятие человеком себя в качестве микрокосма, при свободном самоосуществлении которого происходило развертывание мироздания.

² Всеобщее внимание к образу Гамлета как художественному воплощению кризиса гуманистической концепции человека обусловлено многочисленными критическими периодами в судьбе ренессансного гуманизма, на протяжении веков претерпевавшего различные изменения в связи с многообразными культурными трансформациями.

В последней трети XX века сформировалось особое «окологамлетовское» текстовое пространство, включающее пьесы «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» (1967) Т. Стоппарда, «Фортинбрас спился» (1983) Я. Гловацкого, «Гамлет в остром соусе» (1987) А. Николаи, «Убийство Гонзаго» (1990) Н. Йорданова, «Офелия» (2000) Т. Ахтман и свидетельствующее, с одной стороны, о девальвации прежней концепции человека – носителя и создателя гуманистических принципов и идеалов, с другой – о поиске нового героя современности.

В центре внимания вышеназванных пьес оказывается проблема самоопределения по отношению к себе и окружающей действительности, а также вопросы, связанные с вероятностью передачи гамлетовской роли персонажу, не обладающему масштабами личности Датского принца. Таким образом, можно говорить о творческом диалоге современных драматургов с трагедией У. Шекспира и друг с другом, в основе которого – модальная установка на разрешение «гамлетовского вопроса» второстепенными персонажами претекста, а значит, и испытание ренессансной гуманистической концепции человека на жизнеспособность в условиях современного мира.

Актуальность работы обусловлена проблематичностью положения гуманистических принципов и идеалов в современной общеевропейской культуре, а также повышенным интересом современного литературоведения к феномену диалога в литературе.

Несмотря на внушительный свод исследований, касающихся рецепции трагедии «Гамлет, принц Датский» в мировой литературе («Шекспир в мировой литературе» под ред. Б. Г. Реизова, «Шекспир в украинском литературоведении» Н. А. Модестовой, «Шекспир в Болгарии» В. Филипова и другие), а также становления и бытования европейского гуманизма, нами не найдено работ, в которых была бы осуществлена попытка определить положение гуманистических ориентиров прошлого в условиях современности через рецептивный опыт шекспировской трагедии и её центрального персонажа, что определяет **научную новизну** нашего исследования. Кроме того, корпус художественных текстов, представленных в статье, рассматривается впервые в отечественном литературоведении.

Цель исследования – в результате сравнительно-сопоставительного анализа пьес Т. Стоппарда, Н. Йорданова, Т. Ахтман, Я. Гловацкого и А. Николаи между собой и с трагедией У. Шекспира «Гамлет» – раскрыть своеобразие художественного воплощения ренессансной гуманистической концепции человека в каждой из них по отдельности, а также в их сверхтекстовом единстве. Цель определила следующие **задачи**: 1) сравнить два наиболее выразительных кризисных периода для ренессансной модели гуманизма, первый из которых породил шекспировский образ Гамлета, второй – обусловил появление в европейской драматургии XX века персонажа, альтернативного принцу Датскому; 2) охарактеризовать особенности рецепции шекспировского образа Гамлета в анализируемых пьесах, а также и второстепенных образов-персонажей трагедии У. Шекспира, ставших центральными в «окологамлетовских» пьесах современных европейских драматургов; 3) рассмотреть возможность закрепления за совокупностью исследуемых пьес определения «гамлетовского текста» европейской литературы.

Методологической базой исследования стала работа А. А. Смирнова, касающаяся проблем ренессансного гуманизма [13]; исследование К. А. Сергеева, освещающее истоки происхождения ренессансного гуманизма [12]; монография А. И. Извекова, посвященная кризисному периоду европейской культуры рубежа XIX-XX веков [4]; работы П. С. Гуревича [3], Н. Н. Лысенко [9], исследующих деантропологические процессы в современной культуре.

Результаты исследования могут быть использованы при создании общих и специальных курсов по истории зарубежной литературы, при разработке спецкурсов, касающихся рецепции шекспировского наследия в мировой литературе.

Итак, на первый план в рассматриваемых пьесах выходят второстепенные и эпизодические персонажи трагедии У. Шекспира: Розенкранц с Гильденстерном у Т. Стоппарда, бродячие актеры у Н. Йорданова, Офелия и Гертруда у Т. Ахтман, Фортинбрас у Я. Гловацкого, слуги у А. Николаи. Смена ракурса восприятия и интерпретации событийной основы шекспировской трагедии, а соответственно и повествовательной доминанты, позволяет реинтерпретировать претекст, разрушить каноны, связанные с его восприятием, подвергнуть деконструкции образ Гамлета, сместить, исключить его из текста.

Так, в рассматриваемых нами пьесах образ Гамлета сначала уходит на второй план, являя собой шекспировского персонажа (у Т. Стоппарда), однако переставшего играть центральную, сюжетно- и идейно-аккумулятивную роль, которой он был наделен в претексте. Затем в пьесах Н. Йорданова и Т. Ахтман образ Гамлета, претерпевающий изменения в связи с иным, нежели в претексте, индивидуально-личностным ракурсом его восприятия, выносится за сцену, не принимает непосредственного участия в действии, а соответственно, лишается целостной характеристики. Между тем, если в «Убийстве Гонзаго» образ Гамлета близок шекспировскому, то в пьесе «Офелия» он получает антигуманистическую окраску, обусловленную его отчужденностью от любящих его Гертруды и Офелии, в судьбах которых Гамлет играет неблагоприятную роль. В пьесе «Гамлет в остром соусе» образ принца, вынесенный на периферию, подвергается сатирическому переосмыслению, свидетельствующему о девальвации гуманистических ценностей, лежащих в его основе. Наконец, в «Фортинбрас спился» образ Гамлета заменяется симулякром, полой оболочкой, называемой Гамлетом, что свидетельствует о вырождении гуманистических ориентиров прошлого.

Децентрация образа Гамлета, происходящая во всех обозначенных пьесах, дает представление о прогрессе поиска нового героя «расшатавшегося» века, а соответственно, и нового прочного основания для человеческого существования. Так, в пьесе Т. Стоппарда на смену Гамлету, масштабы образа которого очерчены ренессансной моделью гуманизма, приходят Розенкранц с Гильденстерном. В силу своей духовной инертности

и безволия они оказываются неспособными занять деятельную жизненную позицию: «Я не в силах считать нас самих чем-либо большим, чем парой золотых с орлом и решкой», – говорит Гильденстерн [14, с. 86]. Поэтому персонажи принимают «классическую шекспировскую» роль шпионов короля, оставаясь отчужденными от себя и всего мира, не осознав своей роли в разыгрывающихся событиях: «Не суйся – мы только зрители», – говорит Гильденстерн [Там же, с. 114]. В финале пьесы, смирившись с бессмысленностью собственного существования, они предпочтут его прервать.

В отличие от них, актеры (персонажи пьесы Н. Йорданова) встают на путь противостояния жестокости и несправедливости мира, принижающего их положение, диктующего им свои правила игры. Сыгранный актерами спектакль – протест против несправедливости мироустройства и бессмысленности своего положения в нем. Сказанное со сцены «лишь одно слово» делает актеров «бессмертными» [6, с. 72], наделяя их жизни смыслом, придавая их существованию цель, а вместе с нею и общность, цельность, легитимность.

Офелия и Гертруда в пьесе Т. Ахтман в критический момент своей жизни осознают безвыходность, подневольность, отчужденность собственного существования, берущие начало в покорности героинь перед их «женской» судьбой, налагающей на них социальные ограничения, моральные запреты, физическую и духовную несвободу: «Мои пределы сжимают обручи на нижней юбке: // Тело... в плену... и мысли, и слова...» [1, с. 407]. Не желая более быть пешками в руках судьбы, героини заканчивают жизнь самоубийством – отчаянным сопротивлением абсурдности собственного существования.

Образ Фортинбраса в пьесе Я. Гловацкого становится воплощением трагической судьбы человека, не нашедшего в себе опоры для противостояния абсурдности эпохи, породившей бездушный государственный механизм, выстроенный по законам современной политики. «Я слишком слабый, пьяный...», – признается персонаж [2, с. 14]. Фортинбрас становится объектом беспощадных политических манипуляций, он вынужден принимать навязываемые ему правила игры. Отсюда и чувство безнадежности, эфемерности рисуемого Фортинбрасом «светлого» будущего: «И если утром вас разбудит стук в дверь, то это будет разносчик молока...» [Там же, с. 18].

Напротив, центральные персонажи пьесы А. Николаи, воспользовавшись сложившейся в Эльсиноре ситуацией, берут в свои руки не только собственную судьбу, но и будущее всей Дании. «Кухня – это дипломатия, кухня – это оплот мира и очаг войны...», – утверждает Фрогги [10]. Сферой профессиональных интересов служителей кухни задается в пьесе атмосфера бесконечного плотского наслаждения (мотивы чревоугодия и винопития) как художественного отображения «расшатавшегося» века: «А в тишине – музыка, симфония челюстей и зубов...» [Там же]. Но для кухонной прислуги век избытка и перенасыщения не только приемлем, но и желаем, поэтому в пьесе снимается гамлетовская тема противостояния несовершенству своего времени, предлагающему героям А. Николаи выгодные условия существования.

Т. Стоппарда и Н. Йорданова объединяет видение трагической ошибки шекспировского героя в его попытке в одиночку исправить несовершенный мир. Однако если Т. Стоппард в «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» показал, с одной стороны, невозможность изменения жизненной позиции заглавных персонажей, не способных разделить с Гамлетом его миссию, а с другой – незаинтересованность самого Гамлета в преобразовании мировосприятия своих однокашников, то Н. Йорданов в пьесе «Убийство Гонзаго» изобразил альтернативный путь – путь единения людей под эгидой искусства, облагораживающего человека и способного преобразить мир. Его Гамлет дает шанс актерам на участие в борьбе с «расшатавшимся» веком, а соответственно, помогает им найти свое истинное место в мире, несправедливо обрекшем актеров на положение «маленьких людей». Актеры вслед за Гамлетом встают на борьбу с лживостью и жестокостью современного мира, обретая смысл существования и надежду на справедливое мироустройство.

В отличие от уже названных драматургов, Т. Ахтман в пьесе «Офелия» обвиняет Гамлета в эгоцентризме, поскольку персонаж в борьбе с судьбой забывает о своем человеческом долге по отношению к любящим его Гертруде и Офелии. «Как много боли для минут свиданья редкого у матери и сына», – говорит Гертруда после обвинительной речи Гамлета [1, с. 433].

Между тем абсолютная девальвация образа Человека, возведенного классическим западноевропейским гуманизмом в статус аксиомы, происходит в пьесе «Гамлет в остром соусе» А. Николаи, изобразившего главных персонажей – служителей кухни, как и Гамлета, частью кухонно-бытовой действительности современного мира, ниспровергнутого человека как личность, но вознесшего человека-потребителя. Отсюда и сатирическое переосмысление «гамлетовского вопроса», получившего в итальянской пьесе иное звучание: «Пить иль не пить? Вот в чем вопрос», – неоднократно вопрошает Гамлет [10].

Я. Гловацкий в пьесе «Фортинбрас спился» идет еще дальше: деканонизируя образ Гамлета, он превращает его в симулякр, утверждая иллюзорность гуманистических принципов и идеалов в современном мире, более не способных обеспечивать человека необходимой ему опорой для оправдания собственного существования.

Таким образом, своеобразие художественного воплощения ренессансной гуманистической концепции человека в пьесах Т. Стоппарда, Я. Гловацкого, Т. Ахтман, А. Николаи заключается в изображении процесса децентрации, девальвации, разложения и ниспровержения образа Человека как основы европейской гуманистической мысли, приведшего в начале следующего столетия к смерти человека как антропологической данности [3].

Традиционной персонафикацией концепции человека, порожденной ренессансной эпохой, стал шекспировский образ Гамлета, смещенный в пьесе Т. Стоппарда на периферию, дегероизированный и дегуманизированный в пьесе Т. Ахтман, подвергшийся деконструкции, сатирическому переосмыслению в пьесе А. Николаи, наконец, десакрализованный, превращенный в симулякр в пьесе Я. Гловацкого. В пьесе Н. Йорданова образ

Гамлета, оказавшись за сценой, все же остается шекспировским, а соответственно, сохраняет легитимность и гамлетовская миссия, распространяющаяся на других персонажей пьесы. Таким образом, в «Убийстве Гонзаго» утверждаются жизненность, актуальность, важность гуманистических принципов и ценностей в современном мире, поскольку они, находя отклик в душах людей, наполняют смыслом их существование, помогают оставаться людьми в катастрофической действительности века.

Вместе с тем единство модальной установки авторов исследуемых пьес, близость их фабульных основ и образных систем, обусловленная обращением к трагедии о принце Датском как единому смысловому ядру; повторяемость заимствованных из претекста мотивов (мотивы мести, борьбы за власть, мнимого безумия, самоубийства, игры и театральности); общность построения пьес с иной, нежели в претексте, «точки зрения» как своеобразной центростремительной силы, благодаря которой происходит стяжение текстов в единую текстовую конструкцию, позволяют предположить о существовании «гамлетовского текста» европейской литературы.

Итак, кризис гуманистической мысли, породивший трагедию «Гамлет, принц Датский», основывался на утрате иллюзорных представлений о совершенстве человеческой природы, а соответственно, и о возможности идеального мироустройства, однако оставлял за человеком веру в самого себя, в свои возможности и способности, следовательно, заставлял искать иную опору для надежды на преобразование себя самого и всего мироздания в самом человеке – в его разуме, чувствах, неисчерпаемом творческом потенциале, в способности к научному познанию и преобразению мира и так далее. А кризис гуманизма, запечатленный в рассматриваемых в исследовании пьесах, исключая «Убийство Гонзаго» Н. Йорданова, нашедшего возможность выхода из сложившейся критической для гуманизма ситуации, основывался на утрате самой веры в человека и его созидательную роль в мироздании и привел к началу постгуманизма, трансгуманизма – мировоззренческой основы грядущей постчеловеческой культуры.

Список источников

1. Ахтман Т. И. Офелия, Гертруда, Дания и другие. Иерусалим: Ной, 2013. 498 с.
2. Гловацкий Я. Фортинбрас спился [Электронный ресурс] / пер. с польск. И. Щербаковой-Знаменской. М.: Культура (ВААП), 1991. URL: <https://e-libra.ru/books/506795-fortinbras-spilsya.html> (дата обращения: 20.09.2019).
3. Гуревич П. С. Феномен деантропологизации человека // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 19-32.
4. Извеков А. И. Конфликт современной культуры и цивилизации. М.: Наука, 2009. 223 с.
5. Ильина Н. В. Ренессансный образ человека и особенности его изображения в искусстве [Электронный ресурс] // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 12. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/12/61447> (дата обращения: 25.07.2019).
6. Йорданов Н. Убийство Гонзаго / пер. с болг. Э. А. Макаровой. М.: Амфора, 2005. 81 с.
7. Колпакова С. Г. Шекспир в немецком литературном сознании XX века: интерпретации гамлетовской темы: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2010. 21 с.
8. Луков Вал. А., Луков Вл. А. Шекспирсфера и культурные константы // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 200-208.
9. Лысенко Н. Н. Основные подходы к исследованию современного антропологического кризиса // Известия Тульского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 3. С. 32-42.
10. Николай А. Гамлет в остром соусе [Электронный ресурс] / пер. с итал. Н. Живаго // Театральная библиотека Сергея Ефимова. URL: http://www.theatre-library.ru/authors/n/nicolai_aldo (дата обращения: 21.10.2019).
11. Приходько И. С. Шекспир Александра Блока // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 139-145.
12. Сергеев К. А. Ренессансные основания антропоцентризма. СПб.: Наука, 2007. 594 с.
13. Смирнов А. А. Шекспир, Ренессанс и барокко // Вестник Ленинградского государственного университета. 1946. № 1. С. 96-112.
14. Стоппард Т. Розенкранц и Гильденстерн мертвы / пер. с англ. И. Бродского // Иностранная литература. 1990. № 4. С. 83-135.

REPRESENTATION OF RENAISSANCE HUMANISM IN THE PLAYS “ROSENCRANTZ AND GUILDENSTERN ARE DEAD” BY T. STOPPARD, “THE MURDER OF GONZAGO” BY N. YORDANOV, “OPHELIA” BY T. AKHTMAN, “AMLETO IN SALSA PICANTE” BY A. NICOLAJ, “FORTINBRAS GETS DRUNK” BY J. GŁOWACKI

Lipnyagova Svetlana Gennad'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Shchukina Marina Sergeevna
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev
lipnyagova@list.ru; marishkaschukina@mail.ru

The article examines artistic representation of Renaissance humanism in the plays “Rosencrantz and Guildenstern Are Dead” by T. Stoppard, “Amleto in Salsa Picante” by A. Nicolaj, “Fortinbras Gets Drunk” by J. Głowacki, “The Murder of Gonzago” by N. Yordanov, “Ophelia” by T. Akhtman. The researchers provide a contrastive-comparative analysis of the mentioned plays, which are considered as the most vivid examples of artistic reinterpretation of Renaissance humanism in the European dramaturgy of the last third of the XX century. Reinterpretation, dehumanization, decentralization of Hamlet’s image allow concluding about denial of Renaissance humanism in the modern European dramaturgy. The paper summarizes new material on this issue, clarifies the notion of Renaissance humanism and proposes a hypothesis on the existence of “Hamlet’s text” in the European literature.

Key words and phrases: Renaissance humanism; “Hamlet’s text”; dehumanization; dominant narrative; simulacrum; modern dramaturgy; T. Stoppard; T. Akhtman; A. Nicolaj; J. Głowacki; N. Yordanov.